

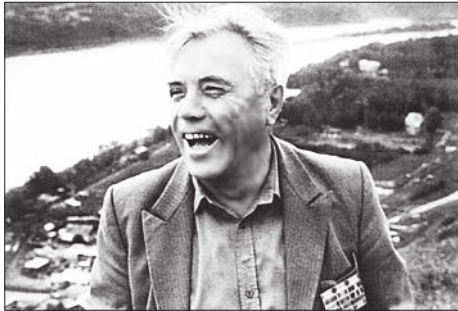
Всё промелькнёт и стружкой неустанной
Бесчисленных песчинок поглотится,
И — времени случайная частица —
Как время зыбкий, я за ними кану.

Х. Л. Борхес

Однажды поздней осенью мне пришлось побывать на очередной учёбе в городе, являющемся краевой столицей и его культурным центром. И вот однажды приятель предложил составить ему компанию для поездки в районный центр, что расположен в ста пятидесяти километрах на юго-запад от Красноярска. Я охотно согласился и даже обрадовался этому предложению! Ведь ехать туда надо было через Овсянку — деревню, где похоронен Виктор Петрович Астафьев, и мне давно хотелось поклониться праху Писателя, да всё случай не выпадал.

Выехали ранним утром, ещё по сумеркам. Дорога туда тянется по правому берегу Енисея. Сначала по самому городу и его пригородам, а затем, после отворота на любимые «Столбы», она уходила в тайгу, сильно петляя: то в горы поднимается, то спускается к самой реке. Свинцово-серая вода Енисея парит, и даже от одного её вида в жарком салоне нашей машины делается как-то зябко! Мы едем медленно: скользко, да и сплошные горные серпантины не дают разогнаться. Вот и Овсянка — маленькая и очень аккуратная деревушка на берегу реки.

У прохожего спросили направление, подъехали к кладбищу и пошли к Виктору Петровичу. Дорожка к могилке аккуратно и широко расчищена. Видно, что люди здесь часто бывают. Вот уж воистину сюда не зарастёт народная тропа! У мраморного памятника цветы. Возле них гранёный стакан с прозрачной жидкостью. Стакан какой-то

Виктор Петрович Астафьев

замызганный, край его расколот... Сверху — кусочек мёрзлого хлеба! Снег... тишина... пустота!

Посидели несколько минут, помолчали. Многое вспомнилось: и встречи с Виктором Петровичем, и их распри с Бушковым... Эх, жизнь ты, жизнь, неровная дорога!

— Вовка,— будто подслушав эти мысли, сказал вдруг приятель,— расскажи о Викторе Петровиче. Ты ж знал его! Расскажи.

— Да ну! Разве ж это знал? Полтора раза-то и виделось всего.

— Вот и расскажи про эти полтора раза,— настаивал приятель.

— Ладно! Только пошли в машину, холодно что-то! По дороге и расскажу... ехать-то ещё добрый час...

В салоне машины ещё не выстыло. Володька достал термос с крепким-крепким — нашим! — таёжным чаем. Налили. Молча сделали по паре глотков. Вроде как помянули Виктора Петровича... Потом ещё немного постояли и двинулись дальше.

— А ты, друг мой,— спросил я своего тёзку и коллегу,— что у Астафьева читал?

— Ну... «Царь-рыбу» читал... «Печальный детектив»,— перечислил Володька.— Ещё читал его рассказы о бабушке,— пару минут подумав, радостно добавил он.

— Ладно, расскажу.

Потом помолчал, мысленно komponюя воспоминания, и начал:

— Ну что?.. Виктор Петрович Астафьев — коренной сибиряк. Родился в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году здесь, в деревне Овсянка. То есть детство своё он провёл абсолютно в тех же условиях, что и я: примерно такая же сибирская глухая деревушка, расположенная на берегу той же реки — Енисея. Наверное, потому его рассказы, да и многие другие произведения мне очень близки, дороги и понятны. Они объективно хороши! И рассказы, и деревушки хороши,— после небольшого раздумья добавил я.— Ну, биографию его описывать не стану. Будет такая необходимость,— прервал я свой рассказ,— ты легко её найдёшь и познакомишься на досуге.

А потом продолжил:

— С Астафьевым меня познакомил папа, участник, как и Виктор Петрович, Великой Отечественной войны, красноярский журналист, писатель и поэт. Я, естественно, зная о

знакомстве родителя с Писателем, давно намекал ему о том, чтоб он меня познакомил с мэтром. И вот году в восемьдесят шестом — восемьдесят седьмом такая встреча состоялась. Папа меня позвал в редакцию газеты «Красноярский рабочий», где должна была состояться встреча журналистов с Писателем. К сожалению — исключительно по своему разгильдяйству — я к самому началу опоздал и захватил лишь часть разговора Писателя с журналистами. Все уже сползлись к столу Писателя, обступили его, и шёл трёп на различные темы. Ростом Писатель был невысок. Довольно густая седая шевелюра, неровное, с оспинами, лицо и располагающий голос — этаким тенорком с хрипотцой. Правда, в манерах его ощущалась некоторая вальяжность. Но она была какая-то необидная, достойная, что ли! Минут через тридцать все постепенно рассосались, и осталось всего с десяток человек. Все предвкушали неофициально-банкетную часть встречи. Знаете, этакая всеобщая приподнятость настроения в предвкушении скорой выпивки. (Журналиги-то тех времён — все «трезвенники» сплошь были!) Да и Виктор Петрович, играя блестящими глазками, уже ручки потирал с довольным видом. И вот в ходе разговора он вдруг обращается к папе: «Э-э-э... Михаил Фёдорович... э-э-э, простите... забыл, как вас зовут?» Тут все как грохнули! Ну, отсмеялись, папа меня Виктору Петровичу и представил. Пожал я руку мэтру, он дежурно порасспросил меня о житье-бытье, и все пошли пить водочку. Я сидел с ними всю... э-э-э... всё застолье. Сам, к счастью, почти не пил. Слушал и смотрел. Астафьев мне тогда понравился. Знаешь, такой хитрый, рассудительный мужичок-крестьянин. Спокоен. Говорил интересно. Ничего сногшибательного, но всё — разумно и основательно. Махнул он тогда грамм триста-четыреста водочки, не меньше, а может, и всю пол-литру. Потом пели. Голос у мэтра был неплох. Прямо тенор, хоть и надтреснутый. Исполнили множество песен: и об удалом Хасбулате, и о бродяге, что заплутал в диких степях Забайкалья. Пели и песни времён войны. Исполняли они их с чувством, даже со слезой — я это хорошо запомнил. Потому мне и были удивительны последующие высказывания Астафьева о войне. Один раз я бегал им за водкой — как самый молодой из допущенных к лицезрению. Виктор Петрович уехал сам, крепко держась на ногах. Папу же я слегка поддерживал по пути домой. Вот такая короткая встреча состоялась на закате советской власти в редакции одной из красноярских газет.

Тут рассказ сам собой прервался, так как, миновав Дивногорск, мы въехали на мост через Енисей, с которого открывался великолепный вид на плотину Красноярской ГЭС, на её нижний бьеф. Пропустить это великолепное и грандиозное зрелище рукотворного водопада никак было нельзя! Потом дорога, перебежав на левый берег, снова запетляла по горам... И вот он — перевал! Перед глазами — долина Чулыма. Солнечно и ясно! Всё видно далеко-далеко — кажется, до самой Хакасии! Снега́, снега́! Спуск длинный и пологий.

— Ну, давай, Вовка, дальше рассказывай. Интересно! — нетерпеливо напомнил приятель, и я, очнувшись от созерцания красот, продолжил:

— Тот вечер в редакции — единственное длительное общение с Астафьевым. Повторюсь ещё раз: он меня не разочаровал. Понимаешь, о чём я? Иногда страшно встретиться с человеком, о котором много слышал. А вдруг имеющийся и сложившийся в голове образ окажется лучше, чем реальный человек? Страшно встречаться с титанами! Так вот, Астафьев меня... порадовал. Вернее, немного не так... а, как бы это сказать, он оказался не хуже, а даже, пожалуй, лучше, чем его образ, созданный воображением. Я не могу сказать, что в него влюбился. Нет, отнюдь нет! Обычный мужичок. Умный, но не интеллектуал. Он внушал уважение. Интересно говорил. Вроде и ничего сногсшибательного, но как-то ёмко, веско. Но не безапелляционно! Понравилось, что он выглядел среди рядовых журналист не мэтром с указующим перстом, а равным среди равных. Пару раз запускал сочный матерок — но не злоупотреблял этими идиомами. Понравилось, что, не чинясь, пил водочку, сам подливал соседям... Жадности к сему напитку не заметил. Выпив пару рюмок — покраснел, слегка разгорячился, снял мягкий толстый пуловер... Второй раз я его увидел году в тысяча девятьсот девяносто четвёртом, может, в девяносто пятом. Было это на одной из улиц Красноярска, в Академгородке. Время года — то ли поздняя осень, то ли ранняя зима. Было довольно холодно, градусов около двадцати, и почти бесснежно. Время — около десяти утра, посему час пик миновал. Я стоял и потихоньку замерзал, поскольку автобуса всё не было, а одет я был явно не по сезону. Остановка автобуса была пустая. Вдруг смотрю — к остановке подходит дядя в шикарной длинной дублёнке и великолепной шапке, типа пыжиковой. По тем временам — одеяние богатое, редко встречаемое.

Знаешь, образ дореволюционного холёного классического купца! На ногах же и вообще — не виданные ранее мной шикарные зимние кроссовки. (Жена потом просветила, что они жуткая редкость, а стоят две-три месячных зарплаты врача тех времён!) Вдруг я с изумлением узнаю в этом «купчике» Виктора Петровича. И вот представь: подходит сей шикарно и дорого одетый мужчина и, не обращая внимания на меня, — прямо к мусорной урне. Там, зажав пальцем одну ноздрю, шумно, звучно сморкнулся другой, выдув из её нутра приличный объём естественного содержимого. Затем поменял палец и повторил процедуру... После этого Виктор Петрович поднял глаза, пару секунд меня разглядывал, а затем сказал: «Всё это х...я, Вовка, лишь бы не было войны», — и тут же, вскочив в подошедший автобус, уехал. Я — обалдел! Другого слова просто и не подобрать. Стоял и с открытым ртом изображал идиота! Вот здесь Виктор Петрович меня поразил!!! Сочетание шикарно одетого человека — и не простого человека! — и чисто дворницко-крестьянской манеры. Это — во-первых! Во-вторых! С момента нашего знакомства прошло лет семь-восемь, а он сразу вспомнил меня по имени!!! Я был убит, шокирован, обрадован, поражён этим событием! Посему срочно взял бутылку и поехал к другу делиться новостями. Делились мы долго и упорно, но это уже совсем другая история!

Я снова помолчал, заново вспоминая и переживая те чувства, и коротко досказал:

— Последний раз видел я Астафьева года за два до его кончины, да и то мельком. В зале, после какого-то заседания. Он шёл между рядами. Лицо было брюзгливо-высокомерное, красное, злое. Глаза — колючие. Встретился с ним на секунду взглядом и не прочитал в нём ничего! Совсем другой человек шёл. Третий, явно отличающийся от тех двух. Причём в худшую сторону... Вот и все мои встречи с Виктором Петровичем Астафьевым, — закончил я свой рассказ.

И вовремя! Ибо вдали показались домики райцентра — места нашего назначения. Там мы проторчали целый день, устали прилично и в обратный путь выехали поздно, уже по сумеркам. Деревню Овсянку миновали ночью и, соответственно, к могилке писателя больше не завернули...